Август выдался удивительно жарким. Отряд комсомольцев-первокурсников из политехнического института ударно работал в колхозе «Заветы Ильича». В тот день девчата ворошили сено перед скирдованием, а парни ставили опалубку для фундамента будущего цеха комбикормов.

В конце смены все выдохлись основательно, так что никому никаких приключений уже не хотелось. После ужина в столовой сил едва хватило на то, чтобы добрести до речки Усольки, окунуться и расположиться на берегу.
Те, кто ещё стоял на ногах, натаскали дров и запалили лапник, чтоб отогнать комаров.

С приближением сумерек и блаженной прохлады бойцы стройотряда начали приходить в себя.

Неведомо откуда появился Михеич. Он всегда так появлялся. Ему комсомольцы были мёдом намазаны, оттого и лип он к ним. Особенно по вечерам.

Низенький худощавый мужичок в гимнастёрке, заросший сизой бородой и курчавой шевелюрой, деловито подбросил дровишек в костёр. Потом предложил испить домашнего кваску, который он принёс на берег в десятилитровом бидоне.

Удивительный напиток, настоянный на корне хрена и ржаных сухарях, сразу оценили. Хотя многие с непривычки закашлялись.

Михеич потёр картофельный нос, почесал бороду и поудобнее устроился возле огня.

– Ну вот, стало быть, из городу он и приехал, – словно продолжая прерванный рассказ, начал гость. – Знамо дело, агрономы – они завсегда нужны! А он агроном и есть. Значит, институт ентот закончил. Сразу из города да и к нам…

Михеич поворошил поленья.

Студенты расположились вокруг, чтобы слушать очередную байку.

– А у нас-то что? – продолжал он. – Народ-то простой. Все о всех всё знают, значит… А он-то не-е… – Михеич замотал головой. – Да и зовут его так – Анатолий Андреич – городской значит. – И он поднял палец вверх.
Парни засмеялись, а девчонки на них зашикали.

– Ну, вот он тут и поселился. Устроился. Живёт. Работает. Не пьёт. Человек, значит, сурьёзный, хоть и молодой. Так и величать стали – Анатолий Андреич. А он что? А он учёный. Институт окончил. Из церкви склад для химикатов делать хотел. Бабы в крик, а он им: «Бога всё равно нет!»

Михеич снова поворошил поленья, будто припоминая чего-то.

Студенты терпеливо ждали.

– Ну, тут вот он Могильщика-то и встретил… Да как его не встретить?! – Михеич хлопнул ладонью по колену. – Его тут Могильщиком прозвали. Наш он, тутошний…

из деревенских. А Анатолий Андреич не… Он как увидел Могильщика, так и давай суетиться: «Кто, да что, да как?».

Михеич подбросил в костёр еловую лапу. Она сразу вспыхнула, и в небо вспорхнули искры, соревнуясь со звёздами. Но быстро сдались, а звёзды продолжили светить как ни в чём не бывало.

– Ему-то все и говорят: «Да Могильщик, он и есть Могильщик! Каждную неделю жену свою хоронит, да раза по три, по четыре…» А Анатолий Андреич-то и спрашивает: «Где ж он столько её берёт?» А ему и говорят: «Так он одну и ту же хоронит! Почитай что лет пятнадцать али двадцать! Как она преставилась, так с тех пор он её и хоронит. Тронутый, в обчем, чё с него взять?»

За пределами светового круга уже выросла плотная тьма – око вон. Неподалёку в кустах заливалась варакушка. А за рекой в ночном фыркали спутанные кони.

Где-то хрустнула ветка…

Михеич, быстро оглянувшись, пододвинулся ещё ближе к огню.

– Ан нет, невдомёк нашему агроному, что люди говорят! Сходил к председателю, к участковому. Разведал всё. Разузнал, что работает Могильщик кочегаром. Живёт один, ни с кем не знается. А что кулёк какой-то почитай что каждный вечер закапывает. Так бы и пёс с ним! Его кулёк, имеет полное право… А в чём таком эдаком ни-ни! Ни в чём не замечен… Хоть и психический.

Студенты замерли.

Тут голос у Михеича изменился.

– Однако ж не утерпел Анатолий Андреич и пошёл за Могильщиком. Сам, значит, всё посмотреть решил… Могильщик-то со своим свёртком дошёл до кладбища, но там повернул и так повдоль ограды, до самого леса. А там у него МЕСТО! – Михеич поднял указательный палец. – Каждый раз в одном месте копает, – он немного помолчал и продолжил: – Сбросил, значит, Могильщик с плеча ентот свёрток, будто ковер свёрнутый, и опустил его в яму. Яма у

него, как положено, в рост. Потом закопал… Прилёг сверху, полежал для порядку, да и снова выкопал. Достал ковёр и кричит в сторону Анатолия Андреича: «Иди сюда! Я давно тебя жду! Деревня-то большая стала, а я стар уже копать, будешь мне в помощь!». Ну, Анатолий Андреич и подошёл... Могильщик развернул ковёр и показывает ему: «Видишь!».

Михеич развёл руками, будто разворачивая ковёр. И так он это сделал, что девчонки, да и парни, тоже потянулись посмотреть, что в том ковре.

– Агроном наш глянул и говорит: «Вижу! Чудо чудное, диво дивное!» А Могильщик лопату даёт ему и говорит: «Так вот теперь твоя очередь копать, а то беда будет…» Положил Анатолий Андреич ковёр в яму и закопал его, а потом, стало быть, обратно выкопал. Достал. Развернул. И давай смеяться!

– А что там в ковре-то было? – перебил его кто-то из студентов.

– Да не в ковре, а НА ковре! – с досадой продолжил Михеич.– А там сама собой вышивка появлялась. Как в кине на белой простыне. Поначалу рисунки были про то, как Маруська своёго Ваньку заревновала… Ни за что мужика гнобила! А он пошёл да и вправду изменил, от обиды и в отместку, чтоб не зря орала. И вся жизнь у них под откос полетела. Вот что в этих рисунках было-то… Так вот эту Ванькину обиду да Маруськину ревность и надо было Анатолию Андреичу схоронить. А когда он ковёр снова выкопал, там уже другие вышивки – как Маруська с Ванькой замирились.

И Михеич опять замолчал, шевеля костёр.

– Ревность и обиду можно закопать? – спросила девушка, что ближе всех к нему сидела.

Михеич встрепенулся.

– Да всё! Всё можно закопать! Все склоки, свары, грызню, если кто с кем сцепился… Всё закопать! Да у нас в деревне почитай что лет двадцать ни одной драки не было!

Баб своих и то никто не бьёт! Могильщик-то, он дело знает…

– А давайте этот идиотский цех комбикормов закопаем и сеном припорошим, а то сил больше нет, – усмехаясь, предложил битлатый парень в джинсовой кепке.

Костёр пыхнул и зачадил. Птичье пение смолкло, и повеяло холодом.

Михеич чертыхнулся и начал спешно кидать поленья в костёр. Пламя лизнуло дрова и отклонилось вбок. Хорошие добрые сухостины лежали на раскалённых углях и не горели.

Михеич сначала огляделся, а потом и вовсе уставился куда-то в темноту.

Оттуда, из темноты, медленно вышел мужик в кирзачах, фуфайке и картузе, натянутом на самые глаза. Он добрёл до костра, подошёл к битлатому и шумно втянул носом воздух. Потом протянул ему лопату.

Парень машинально взял её. Мужик повернулся и пошёл прочь…

Едва он скрылся, Михеич засуетился над костром.

– Дровишек! Дровишек… надо быть… Дровишек.

Пламя выровнялось и разгорелось, а Михеич будто бы сам себе забормотал:

– Ну вот… Ну вот… Теперь и Анатолий Андреич пошёл на покой…